

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск
231

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. МАКАРОВ

Редакционная коллегия:
д. и. н. Л. И. АВИЛОВА (зам. гл. ред.), д. и. н. В. И. ЗАВЬЯЛОВ (отв. секретарь редакции),
к. и. н. К. Н. ГАВРИЛОВ, д. и. н. М. В. ДОБРОВОЛЬСКАЯ, д. и. н. А. А. ЗАВОЙКИН,
к. и. н. А. Р. КАНТОРОВИЧ, к. и. н. В. Ю. КОВАЛЬ, к. и. н. Н. В. ЛОПАТИН,
к. и. н. Ю. В. ЛУНЬКОВА (секретарь редакции)

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 231 / Ин-т археологии
РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М.: Языки славянской культуры. — 252 с., ил.,
вклейка.

ISSN 0130-2620
ISBN 978-5-9551-0721-9

Предлагаемый вниманию читателей выпуск основан на материалах Всероссийской научной конференции «Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ» (Москва, Институт археологии РАН, 21–22 ноября 2012 г.). В статьях обсуждаются теоретические и методические разработки, применяемые в современной науке, как российской, так и зарубежной, при изучении феномена войны и его места в эволюции человеческого общества, прежде всего, в зарождении сложных социально-политических систем — вождеств, государств, империй.

Второй информационный блок посвящен обсуждению проблем и материалов широкого хронологического диапазона от эпохи бронзы до средневековья.

Данное коллективное исследование заинтересует коллег-археологов, этнографов, историков древнего мира и представителей других смежных с археологией наук.

ББК 63.4

*На задней стороне обложки изображена
свинцовая печать из Суздальского Ополя*

ISBN 978-5-9551-0721-9

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2013
© Авторы, 2013
© Языки славянской культуры, 2013

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

РОЛЬ ВОЙНЫ И ВОЕННОГО ДЕЛА В РАЗВИТИИ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ОБЩЕСТВ

В. И. Гуляев

ВВЕДЕНИЕ

V. I. Gulyaev. Introduction

Abstract. The paper suggests a historiographic review of theoretic postulates now used in analysis of the problems related to the role war and warfare played in primitive and medieval societies. A selection of publications is introduced which represent the proceedings of the conference held in the Institute of Archaeology, RAS, in November, 2012. The author discusses perspectives for modern understanding of significance of the phenomenon of war for evolution of human society, first of all in formation of complex social and political systems: chiefdoms, states, and empires.

Ключевые слова: конференция, война, военное дело, конфликты, вооружение, общественное развитие, социально-политические системы, вожество, государство, империя.

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей основан в целом на материалах Всероссийской научной конференции «Роль войны и военного дела в развитии древних и средневековых обществ», состоявшейся в Москве, в Институте археологии РАН, 21–22 ноября 2012 г. В этом научном мероприятии приняли участие исследователи из академических учреждений, вузов и музеев Москвы, Ростова-на-Дону, Челябинска, Барнаула, Харькова и Луганска. На конференции было прочитано 30 докладов, в настоящее издание они вошли не все¹. Главная цель конференции (и, соответственно, публикуемых в сборнике материалов) состояла в том, чтобы выявить те теоретические и методические разработки, которые применяются в современной науке (как российской, так и зарубежной) для изучения роли феномена войны в эволюции человеческого общества и, прежде

¹ По ряду технических и субъективных причин некоторые авторы докладов ограничились публикацией тезисов.

всего, в зарождении сложных социально-политических систем – вождеств, государств, империй.

Историография по данной теме огромна. И в ней уже давно выявились две противоположные позиции. Одна из них была больше представлена в трудах советских ученых, которые, следуя работам классиков марксизма-ленинизма, считали войну явлением довольно поздним, исторически преходящим и свойственным только классовому обществу и антагонистическому государству. «Первобытнообщинный строй, в котором не было классов и государства, не было эксплуатации человека человеком, – отмечает отечественный специалист по исторической демографии М.С. Авербух, – не знал войны как организованной вооруженной борьбы во имя политических целей. Здесь не было ни специальных отрядов вооруженных людей... ни специальных орудий для ведения войны...» (Авербух, 1970. С. 7–10). Однако, учитывая огромное количество фактов из археологических, этнографических и исторических источников, явно противоречащих такому категоричному заключению, этот исследователь вынужден был несколько смягчить свое высказывание и добавить: «но если родовое общество не знало войны *как вооруженной борьбы во имя политических целей* (курсив мой. – В.Г.), то все же вооруженные столкновения между родами происходили еще в эпоху дикости... Когда родовой строй достиг полного развития, такого рода конфликты стали более частыми» (Там же. С. 10).

Против такой позиции выступает огромная армия специалистов разного профиля – археологов, этнографов, историков, физических антропологов, биологов, социологов – из зарубежных стран, которые считают, что, во-первых, воинственность, агрессивность является внутренним биологическим свойством человека (она заложена в генетическом коде, полученном людьми от далеких обезьяноподобных предков), а во-вторых, войны были, есть и будут всегда, и всегда они служили и служат движущей силой прогрессивного развития человеческого общества. Известный американский антрополог Р. Карнейро еще в 1970 г. утверждал, что «война лежит в основе социально-политического прогресса» (Carneiro, 1970. Р. 733–738). Он считает, что рост народонаселения и его скученность в районах концентрации природных ресурсов приводили к войнам, завоеваниям, возникновению более сложных организационных структур (простых и сложных вождеств) и государственности (Carneiro, 1981). Несмотря на ряд критических замечаний со стороны своих коллег на Западе и в России (точнее, в бывшем СССР), этот исследователь, хотя и с некоторыми коррективами, продолжает упорно отстаивать свою прежнюю теорию и в наши дни, ссылаясь на то, что «только благодаря прямому использованию силы – в первую очередь, боевых действий – преодолелись локальные автономии и деревни сплачивались в более крупную единицу, с общей политической структурой; только таким путем могли возникнуть вождества, а затем государства...» (Карнейро, 2012. С. 165).

Можно назвать еще десятки громких имен зарубежных ученых, которые, с разными нюансами, проводят идею о раннем (с глубокой первобытности) появлении войны и военных столкновений в истории человеческого общества: З. Фрейд, А. Адлер, Л. Уайт, Э. Вайда, Б. Малиновский, Дж. Шнейдер, К. Райт,

С. Кобленц, Э. Сервис, М. Салинз и др. Подробное изложение общих концепций зарубежных исследователей на этот счет можно найти в очень полезном двухтомном издании наших коллег из Института этнологии и антропологии РАН (Война и мир... 1994).

Бесспорно, что война и военные столкновения претерпевали по мере развития человеческого общества очень серьезные изменения. Так, американский ученый Б. Малиновский выделяет следующие типы военных действий:

1) межличностные стычки внутри групп, названные им «прототипами преступного поведения»;

2) организованные коллективные межгрупповые стычки внутри культурного единства, преследующие своей целью возмездие;

3) вооруженные набеги типа спорта или охоты с целью добычи вражеских голов, захвата пленных для жертвоприношений или каннибализма, получения иного рода трофеев;

4) боевые действия, ведущие к возникновению примитивного государства;

5) экспедиции для организованного разбоя, захвата рабов и добычи;

6) вооруженная борьба между двумя разнокультурными группами, направленная на территориальное завоевание и создание государственности (Malinowski, 1941). Только действия четвертого и шестого типов он считал настоящей войной.

По С. Кобленцу, эволюция вооруженных столкновений знала три основные стадии: 1) кровная вражда; 2) стычки по религиозным или церемониальным причинам; 3) войны грабительского характера. На первой стадии войн еще не было, вторая представляла собой нечто среднее между войной и охотой, и только третью этот ученый без колебаний связывает с настоящей войной (Coblentz, 1953).

Американский исследователь У. Ньюкомб выделил следующие эволюционные стадии военных действий: 1) у наиболее архаичных охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ, где не было существенных материальных накоплений, почти не было и стимулов для вооруженных столкновений, и там господствовал мир; 2) у некоторых охотничье-собираТЕЛЬСКИХ и отсталых земледельческих групп наблюдались «первобытные войны», соответствующие третьему типу по Малиновскому; 3) «настоящая война» была следствием перехода к производящему хозяйству; она типична для ранних цивилизаций, которые вели ее ради экономических выгод. В особую категорию У. Ньюкомб выделял войны, возникшие между разнотипными обществами (Newcomb, 1960).

Что касается первого пункта данной классификации, то с этим можно поспорить. Вряд ли у всех архаичных охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ ввиду низкого уровня их материального благосостояния господствовал мир. Поводов для военных столкновений, хотя бы с подобными себе соседями, у них имелось предостаточно: похищение женщин, борьба за охотничьи и рыбные угодья и т. д. и т. п. Причем эти военные действия велись с крайней степенью жестокости: род или племя побежденного врага вырезали практически целиком, не щадя ни старого, ни малого. Поэтому совершенно прав наш коллега В.А. Шнирельман, когда пишет: «Сравнение приведенных типологий позволяет сделать вывод о том, что в зависимости от критериев, разные авторы понимают войну по-своему и это

ведет к разному пониманию истоков войны, ее особенностей и роли в ранней истории человечества. Следовательно, определение понятия “война” представляет особую (добавим, *ключевую*. – В.Г.) проблему...» (Война и мир... 1994. С. 27). Он и предлагает такое определение этого понятия. «Война – это конфронтация между двумя и более автономными группами, вызывающая санкционированные обществом организованные протяженные во времени вооруженные действия, в которых участвует вся группа или, что бывает чаще, ее часть, с целью улучшить свое материальное, социальное, политическое или психологическое состояние, либо, в целом, шансы на выживаемость» (Там же. С. 56).

И хотя для изучения войн эпохи глубокой древности существует много разнообразных источников (письменных, этнографических, фольклорных и др.), но для нас как археологов особенно важны источники археологические и сопутствующие им. К чисто археологическим относятся такие категории материалов, как *оружие, доспехи, фортификация, воинские могилы, клады с оружием, остатки оружейного дела*. Категорию «оружия» иногда делят на три разновидности: специализированное оружие (например, мечи – бронзовые или стальные); неспециализированное оружие, «двойного назначения», пригодное и для охоты, и для боя (лук и стрелы, топор, нож и др.); оружие случайного использования (камень, палка и пр.) (Там же. С. 34). Специализированное оружие, обычно изготовлявшееся из металла, появляется довольно поздно – в эпоху бронзы и раннем железном веке. Кроме того, оружие и доспехи из органических материалов (дерева, кости, а доспехи – еще и из кожи), к сожалению, сохраняются очень редко. Сюда следует добавить очень важные данные антропологии по анализу боевых ран и травм на скелетах древних людей, когда в некоторых случаях удается даже установить вид оружия, каким был ранен или убит изучаемый человек. Можно предполагать, что военные столкновения могут быть прослежены (в том числе и археологически), по крайней мере, с эпохи верхнего палеолита. Правда, отличить для этого времени боевое оружие от охотничьего удастся только при наличии скелетов убитых людей с остатками орудий убийства. Так, погребенные в позднепалеолитическом могильнике Джебел Сахаба в Нубии были убиты орудиями, которые археологи обычно относят к категории «резцов» (*Wendorf*, 1968. Р. 954–995). Повторное изучение человеческих костей из верхнепалеолитического захоронения в пещере Сан Теодоро на острове Сицилия (возраст захоронения 13 000 лет) выявил наличие кремневого наконечника стрелы, вонзившегося в тазовые кости взрослой женщины. Археолог П.Ф. Фаббри из Пизанского университета (Италия) сделал свое открытие недавно, изучая скелет, обнаруженный в 1942 г. Наконечник прошел сквозь мягкие ткани и воткнулся в кость. Рана вызвала воспаление и нагноение, но в конце концов зажила, и женщина выжила (*Bahn*, 1997. Р. 24).

Еще более поразительный случай относится к эпохе неолита: в Итальянских Альпах в 1991 г. была найдена мумия взрослого мужчины – «Айсмана», «Ледяного Человека», возраст которого составляет 5300 лет. Останки находились во льду на высоте 4500 м. Комплексные исследования антропологов, медиков и археологов позволили выявить полную картину драматической гибели этого древнего европейца. Убийца подкрался сзади, выстрелил из лука, и стрела пронзила левое плечо так глубоко, что перебила крупную артерию, и человек

неминуемо бы погиб от обильного кровотечения. Но враг для страховки нанес удар Айсману в заднюю часть черепа каменным топором. Анализ пыльцы на мумии говорит о том, что последние дни этого человека пришлось на весну. Незадолго до смерти он ел мясо и лепешку из пшеницы (*Hall*, 2011. Р. 125–128). В целом же, судя больше по этнографическим данным, для убийства в каменном веке широко использовались деревянные виды оружия – луки и стрелы, копья, дротики, бумеранги, дубинки и т. д., – которые практически не имели шансов сохраниться в археологическом контексте.

Подводя итог вышесказанному, следует подчеркнуть, что первобытные войны отличались от более поздних главным образом масштабами, организацией и целями. Обратимся вновь к тому же Р. Карнейро. «Военные действия, – подчеркивает он, – являются горячим, движущей силой, которая приводит в действие политическую эволюцию. Они осуществляют это посредством разрушения старых мелкомасштабных структур, позволяя построение более крупных... и более сложных политических единиц. Это больше не гипотеза, а установленный факт. Он подтверждается огромным количеством фактических данных из истории и этнографии... Что касается самих военных действий, то с самого начала обычные стимулы для ведения войны между автономными деревнями были практически такими же, как стимулы, лежащие в основе войн, ведущихся аборигенами Новой Гвинеи и Амазонии в недавнем прошлом. Это были войны, связанные с известными преступлениями типа убийств, обвинений в колдовстве, похищения женщин и т. п. – мотивы, которые, несомненно, уходят корнями в палеолит. Войны этого типа часто вовлекали деревни во временные альянсы... Однако в определенный момент эволюции войны с популяционным давлением, действующим, как особенно эффективный пусковой импульс, произошло решительное изменение типов причин, которые вызвали войну. Теперь она начиналась не только по причинам, указанным выше, но также за экологические преимущества и экономические выгоды...» (*Карнейро*, 2012. С. 172–178). О больших потерях, которые несли первобытные народы, можно судить по сообщению Тацита о том, что войны между германскими племенами отличались особой жестокостью и беспощадностью: «Все побежденное предается истреблению» (*Tacit*, 1886. С. 57).

Таким образом, перед нашим археологическим сообществом открываются большие возможности для исследования многих нерешенных и туманных аспектов темы войны в первобытную, древнюю и средневековую эпохи. Все это позволяет надеяться на то, что предлагаемая публикация будет очень полезной для широких археологических кругов. Большой оптимизм внушает и наблюдающееся в последние годы широкое внедрение методов естественных наук в археологию. Настоящий сборник может быть разделен по хронологическому принципу на несколько блоков, начиная от самых ранних периодов (мезолит, неолит) и до Средневековья.

В первом блоке в статье С.В. Ошибкиной говорится о первых военных столкновениях в эпоху мезолита (10–8 тыс. л. н.) на севере Восточной Европы. Блок второй посвящен материалам эпохи бронзы. Л.С. Ильюков из Ростова-на-Дону описывает коллекцию кремневых наконечников стрел (свыше 700 экз.), найденных внутри Ливенцовско-Каратаевской крепости в низовьях Дона. Автор рассматривает эту коллекцию как доказательство осады крепо-

сти врагами и считает, что именно в результате данных военных действий она погибла, и жизнь в ней больше не возобновлялась (позднекатакомбное время).

В работе А.В. Епимахова анализируется небольшая коллекция каменных булав эпохи бронзы с территории Урала и Поволжья. Н.А. Берсенева посвящает свою статью предметам вооружения (наконечники стрел и детали лука, наконечники копий, металлические топоры, остатки колесниц и др.) синташтинской культуры Южного Зауралья.

Специальный блок содержит статьи по тематике раннего железного века. В работе С.И. Лукьяшко из Ростова-на-Дону «Военно-политическая ситуация на Нижнем Дону в IV в. до н. э.» приводятся новые факты о реальной картине взаимоотношений скифов, сарматов и правителей Боспора перед самым концом Великой Скифии на рубеже IV–III вв. до н. э. Алтайской тематике посвящена статья О.С. Лихачевой «Развитие тактики боя у населения лесостепного Алтая в раннем железном веке». В работе И.В. Рукавишниковой на примере двух железных доспехов из курганов 4 и 28 Филипповского курганного могильника на Южном Урале (IV в. до н. э.) ставится вопрос о взаимовлиянии традиций оружейного дела в Степной Евразии и древнем Китае. Заключительный материал данного блока представлен М.В. Добровольской и называется «Боевые травмы в изучении антропологических материалов из среднедонских некрополей V–IV вв. до н. э.».

Представлены в сборнике и материалы начала н. э. – V в. н. э., условно названные здесь «Эпохой переселения народов». Это материалы, обсуждаемые в статье А.А. Тишкина и С.С. Матренина «Воинское погребение раннежужанского времени из могильника Степушка I в Центральном Алтае».

Блок из двух статей посвящен проблемам войны и военного дела в далеком отстоящих от Старого Света центрах древних цивилизаций доколумбовой Мезоамерики: у индейцев майя I тыс. н. э. (А.В. Сафронов) и у ацтеков XIII–XVI вв. н. э. (В.И. Гуляев).

Еще один блок содержит исследования, посвященные эпохе Средневековья. Н.Н. Серегин исследует специфику распространения клинкового оружия в могилах раннесредневековых тюрок Саяно-Алтая. Той же эпохе посвящена коллективная статья антропологов и археологов П.С. Успенского, М.В. Добровольской, Е.А. Клещенко, А.В. Шишлова, Н.В. Федоренко «Воинские погребения по обряду трупосожжения биритуального могильника Кедровая Роща». Речь в ней идет о комплексном (новаторском по характеру) исследовании погребальных памятников Северо-Западного Кавказа XII–XIII вв. на основе анализа археологических материалов и кремаций (в урнах и без таковых).

В статье «Этнокультурные признаки в оформлении железных пластин ламеллярного доспеха» В.В. Горбунов анализирует признаки оформления железных пластин ламеллярного доспеха на основе археологических памятников IX в. до н. э. – XIII в. н. э. различных территорий Азии. А.С. Попов выступает с анализом изображения меча на деревянной скульптуре XIV в. Николы Можайского (из собрания Государственной Третьяковской галереи) и возводит его форму к средневизантийским образцам конца I – начала II тыс. н. э.

Очень интересную совместную статью «Эпидемиология войны и смуты: антропологический и письменный источники в изучении качества жизни на-

селения русского города XVI–XVII вв. (на примере Ярославля)» представили антропологи и археологи М.Б. Медникова, А.В. Энгватова, И.К. Решетова, Т.Ю. Шведчикова, Е.Е. Васильева.

Мне представляется, что публикуемые в сборнике статьи вызовут значительный интерес у самого широкого круга археологов, этнографов, антропологов, социологов и историков.

ЛИТЕРАТУРА

- Авербух М.С.*, 1970. Войны и народонаселение в докапиталистических обществах. М.: Наука. 217 с.
- Война и мир в ранней истории человечества: В 2 т. Т. 1. Ч. 1: У истоков войны и мира / В.А. Шнирельман. 176 с.; Т. 2. Ч. 2: Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах / Ю.И. Семенов; Ч. 3: Война и мир на пороге цивилизации: кочевые скотоводы / А.И. Першиц. М.: ИЭИА, 1994. 247 с.
- Карнейро Р.*, 2012. Теория ограничения: разъяснение, расширение и новая формулировка // Политическая антропология традиционных и современных обществ: Мат-лы Междунар. конф. (Владивосток, 16–17 апреля 2012 г.) / Отв. ред. Н.Н. Крадин. Владивосток: Изд. дом Дальневосточного федерального ун-та. С. 162–189.
- Tacit K.*, 1886. Соч.: В 2 т. Т. 1: Агрикола. Германия. Истории. СПб.: Л.Ф. Пантелеев. 337 с.
- Bahn P.G.*, 1997. Archers in the Paleolithic times // *Archaeology*. May-June. New York.
- Carneiro R.L.*, 1970. A theory of the origin of the state // *Science*. Vol. 169. P. 733–738.
- Carneiro R.L.*, 1981. The chiefdom: precursor of state // *The Transition to Statehood in the New World* / G.D. Jones, R.R. Kautz (eds). Cambridge: Cambridge University Press. P. 37–79.
- Coblentz S.A.*, 1953. From Arrow to Atom Bomb: The Psychological History of War. New York: Beechhurst Press. 589 p.
- Hall S.S.*, 2011. Iceman unfrozen // *National Geographic Magazine*. № 220 (November). P. 119–132.
- Malinowski B.*, 1941. An anthropological analysis of war // *American Journal of Sociology*. Vol. 46. № 4. P. 521–550.
- Newcomb W.W.*, 1960. Toward an understanding of war // *Essays in the Science of Culture*. New York: Crowell. P. 317–335.
- Wendorf F.*, 1968. Site 117: a Nubian final Paleolithic graveyard near Jebel Sahaba, Sudan // *The Prehistory of Nubia*. Vol. 2. Dallas: Fort Burgwin Research Center and Southern Methodist University Press. P. 954–995.

С. В. Ошибкина

О ВООРУЖЕННЫХ СТОЛКНОВЕНИЯХ МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

*S. V. Oshibkina. On armed clashes of Mesolithic population
in the North of Eastern Europe*

Abstract. In the North of European Russia at the transition from the Pleistocene to the Holocene, distinct Western and Eastern regions are singled out exhibiting characteristic features determined by the natural environment and differences in the material culture. The Western region was settled by a Caucasoid population. At the end of the Mesolithic large cemeteries emerged (Olenij Ostrov at the Onega Lake). In the Eastern region in the Urals foothills burial-grounds have not been recorded so far. It is possible that armed clashes, albeit rare ones, took place in the course of migrations. Direct evidence of such clashes has been noted in traces of wounds suffered by the deceased in burials found in cemeteries of the East Onega region. Finds of good-quality items of weaponry in settlements and in burials of the Western region, particularly in the contact zone, can be regarded as direct evidence of such clashes. At the end of the Mesolithic, at the transition from the Borealis to the Atlantic period, several population groups moved westwards. At the same time in the late burials in the Olenij Ostrov cemetery individual representatives of Mongoloid and mixed anthropological types appeared, which indicates that contacts were taking place between groups of different origin.

Ключевые слова: европейский Север России, освоение, мезолит, адаптация, охотники-собиратели, природная среда, миграции, материальная культура, контакты, Приуралье.

Принято считать, что в эпоху мезолита (10–8 тыс. л. н.) население обитаемых регионов земли количественно не слишком увеличилось в сравнении с верхним палеолитом, когда всего на планете насчитывалось от 3 до 9 млн человек (*Шнирельман*, 1986. С. 432). При подсчете численности древнего населения исследователи обычно опираются на данные археологии и палеоантропологии, также по возможности привлекают этнографические сопоставления. Понятно, что результаты подсчетов гипотетичны. Тем не менее, не вызывает сомнения то, что в палеолите и мезолите плотность заселения большинства регионов земли была невелика, что предполагает отсутствие каких-либо контактов и, тем более, военных столкновений древних популяций. Однако примеры подобных событий в среде охотников-собирателей эпохи мезолита известны.

В начале голоцена в Восточной Европе происходили существенные изменения климата и общей природной обстановки в результате повсеместного отступления материковых ледников, продвижения на север лесов, определенных изменений в очертании морских и озерных побережий, также изменения направления и стока рек. В лесной зоне Восточной Европы в дриасе 3 и пребореале началось активное освоение человеком новых северных территорий, ставших пригодными для обитания,